

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.6>

Михновец Мария Владимировна

Остзейские провинции в системе геополитических представлений Ф. М. Достоевского

Цель исследования - выявить специфику понимания Ф. М. Достоевским остзейского вопроса в 1860-1870-е гг. В статье показано, как преломляется остзейская проблематика в женских образах романов, проанализированы взгляды Достоевского-публициста по вопросу свободы вероисповедания остзейцев. Научная новизна работы: впервые выявлена позиция Достоевского по дискуссионному вопросу об общественном и юридическом статусе разных этносов (немцы, латыши, русские) в Остзейских провинциях. В результате исследования определено: геополитические воззрения Достоевского на Остзейские провинции, во-первых, были обусловлены уже сложившимися у писателя представлениями о статусе окраин Российской империи; во-вторых, являют собой проекцию его историофилософских взглядов на взаимоотношения России и Европы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 32-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Корб И. Г. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и Великому Князю Московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом / пер. с лат. Б. Женева, М. Семева // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Унив. тип., 1866. Кн. 4. Октябрь-декабрь. С. 1-122.
9. Левенфельд Р. Граф Л. Н. Толстой в суждениях о нем его близких и разговорах с ним самим // Русское обозрение. 1897. № 10. С. 530-608.
10. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденштур, Е. С. Серебровская; общ. ред. В. А. Жданова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 634 с.
11. Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Страхову от 17 декабря 1872 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1953. Т. 61. С. 345-349.
12. Письмо Петра Великого к генерал-плеинпотенциару князю Якову Федоровичу Долгорукову // Русский архив. 1873. № 10. Стлб. 2072-2073.
13. Письмо С. А. Толстой С. А. Берсу от 19 декабря 1872 г. // Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск: Типо-литография Ф. Б. Зельдович, 1894.
14. Письмо С. А. Толстой Т. А. Кузминской от 30 ноября 1872 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 386-444.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 4. 1700-1712. 890 с.
16. Попов П. С. Примечания к материалам романа времен Петра I // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 664-688.
17. Толстой Л. Н. Материалы к роману времен Петра I // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 386-444.
18. Толстой Л. Н. <Роман из времени Петра I> // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100-та томах. Художественные произведения: в 18-ти т. М.: Наука, 2014. Т. 9. С. 157-222.
19. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: в 6-ти т. СПб.: В Типографии II Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863. Т. IV. Ч. 1. 629 с.

“Levochka Tries to Immerse into Peter the Great’s Epoch, He Is Absorbed in Reading Historical Books” (Unknown Sources of L. N. Tolstoy’s Concise Records about Figures and Events of Peter the Great’s Epoch)

Kovaleva Galina Nikolaevna

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
galina-gnk@mail.ru*

The paper aims to identify historical sources of L. N. Tolstoy’s concise records about figures and events of Peter the Great’s Epoch. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that the researcher introduces information about actual sources of L. N. Tolstoy’s 16 concise records under the headlines “Peter. Family Circle”; “Peter. Character”; “Troops. Regiments Names”; “War. Military Strategies”; “Everyday Life. Recruits”; “Peter. Near Circle” into scientific circulation. The research findings are as follows: the author clarifies the meaning of L. N. Tolstoy’s concise records, identifies what real historical facts Tolstoy intended to introduce into the literary fabric of his unfinished novel about Peter I and his time.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; Peter the Great; P. S. Popov; concise records; actual sources.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.6>

Дата поступления рукописи: 03.08.2020

Цель исследования – выявить специфику понимания Ф. М. Достоевским остзейского вопроса в 1860-1870-е гг. В статье показано, как преломляется остзейская проблематика в женских образах романов, проанализированы взгляды Достоевского-публициста по вопросу свободы вероисповедания остзейцев. **Научная новизна работы:** впервые выявлена позиция Достоевского по дискуссионному вопросу об общественном и юридическом статусе разных этносов (немцы, латыши, русские) в Остзейских провинциях. **В результате** исследования определено: геополитические воззрения Достоевского на Остзейские провинции, во-первых, были обусловлены уже сложившимися у писателя представлениями о статусе окраин Российской империи; во-вторых, являют собой проекцию его историко-философских взглядов на взаимоотношения России и Европы.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; остзейская проблематика; геополитика; картина мира; статус окраин.

Михновец Мария Владимировна

*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург
mikhnovets@dostoevsky.spb.ru*

Остзейские провинции в системе геополитических представлений Ф. М. Достоевского

В художественном и публицистическом наследии Ф. М. Достоевского есть несколько показательных эпизодов, связанных с вопросами о положении Остзейских провинций в составе Российской империи и особенностями

их внутренней социополитической ситуации. Обращение писателя к данной проблеме закономерно: творчество Достоевского 1860-1970-х гг. характеризуется пристальным вниманием к национальным, этнокультурным и конфессиональным вопросам, особым интересом к зонам геополитического напряжения. В середине XIX века одной из таких зон была Прибалтика, в российском обществе наравне с польским, еврейским остро стоял остзейский вопрос. Многие публицисты круга Достоевского видели его решение как одну из первоочередных задач внутренней и внешней политики России. В современной науке существует ряд развернутых исследований, посвященных позиции публицистов М. Н. Каткова [9], И. С. Аксакова [17], Ю. Ф. Самарина [11], однако работ, в которых была бы освещена точка зрения Достоевского, нет. Также отсутствуют труды, где рассматривались бы образы героев-остзейцев в художественных произведениях писателя.

Для современного гуманитарного знания актуально представление об особой роли художественных произведений в описании и осмыслении мировых политических и государственных процессов. Русская литература, представляющая в этом отношении богатейший материал, до сих пор мало исследована в геополитическом аспекте. Геополитические воззрения Достоевского, нашедшие отражение как в его художественном, так и публицистическом творчестве, также не были предметом специального внимания. Для системного анализа этих воззрений требуется междисциплинарный подход. Это исследовательские лакуны определили *актуальность* настоящей работы. Проведенное на стыке геополитики и литературоведения исследование, посвященное остзейским провинциям в картине мира Достоевского, являет собой пример палео-геополитического исследования.

Поставленная цель исследования определила *задачи* настоящей статьи: во-первых, наметить историко-культурный и социополитический контексты проблемы. Во-вторых, выявить особенности присутствия в творческом сознании Достоевского вопроса об остзейских провинциях. В-третьих, проанализировать образы героев-остзейцев в художественном наследии Достоевского в аспекте их национальной принадлежности.

В качестве *теоретической базы* исследования геополитической картины мира писателя был изучен и обобщен широкий круг работ. Среди них классические труды по геополитике К. Флинта [19], К. С. Гаджиева [3], А. Б. Елацкова [6]; исследования, посвященные художественным произведениям и находящиеся на стыке литературоведения и геополитики, А. И. Щербинина и Н. Г. Щербининой [18], В. М. Цымбурского [16]; работы по геоэтике О. Н. Александровой-Осокиной [2], В. В. Абашева [1], И. Н. Ивановой [7], И. Сида [14].

Методологическую основу работы составили идеи системного, историко-литературного и геополитического подходов. В исследовании сосуществуют приемы литературоведческих и геополитических *методов*: сравнительно-исторического, структурно-тематического, палео-геополитического.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского, в частности таким его произведениям, как «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Записки из подполья», «Дневник писателя», а также на спецкурсах, посвященных теоретическим основаниям геоэтики и палео-геополитики. Кроме того, полученные выводы могут быть важны для понимания особенностей культурного диалога между современной Россией и Латвией, для решения межнациональных конфликтов. В этом заключается *практическая значимость* исследования.

Обратимся к историческим основаниям вопроса. Остзейские, или Прибалтийские, провинции вошли в состав Российского государства в 1713 г. в ходе Северной войны. Окончательно их статус был закреплён Ништадтским миром и в результате Третьего раздела Речи Посполитой. К Остзейским провинциям относились четыре губернии: Рижская, Ревельская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская, – и эти земли обладали особым статусом в составе Российской империи. В учебнике географии Т. А. Каменецкого «Краткое всеобщее землеописание по новому разделению», по которому учился в юности Достоевский, об Остзейских провинциях читаем: это «особые земли», которые входят в состав государства «на особых правах, которыми они пользовались до присоединения своего к России» [8, с. 92]. Дело в том, что Остзейские земли были «изъяты от действия общих законов империи» [4], оставались почти не интегрированными в состав России. Вся власть в крае: политическая, экономическая, культурная и даже духовная – находилась в руках местного немецкого дворянства и бюргерства. Подчеркнем: именно немецкого. Население Остзейских провинций было разделено на привилегированное дворянское сословие, состоявшее из этнических немцев, и коренных жителей-крестьян: латышей и эстов, – находящихся в крепостной зависимости от немцев. В начале XIX в. произошли определенные перемены. Как пишет А. Д. Градовский, правовед и публицист XIX века, «при Александре I последовала эманципация крестьян в Остзейском крае (1819 г.). Но освобождение здесь состоялось без земли, что и привело местных крестьян в неудовлетворительное положение» [Там же].

В 1860-е гг. вопрос об Остзейских провинциях встал особенно остро. По наблюдению Т. Ф. Пирожковой, в русской прессе только за 1864 г. вышло 96 материалов, «касающихся различных недостатков в Остзейском крае» [11, с. 133]. Подобному росту общественного напряжения послужило несколько причин. Главной из них были реформы Александра II, в первую очередь по унификации законов на территории всей Российской империи, по освобождению крестьян от крепостной зависимости. В результате отмены крепостного права положение крестьян в Остзейском крае парадоксальным образом не только не улучшилось, но оказалось худшим, нежели в основной части страны.

На обострение остзейского вопроса в 1860-е гг. также повлиял процесс объединения земель Германии, который способствовал усилению «политико-культурных противоречий романо-германского и славянского миров» и обозначил «противостояние немецких (или скорее прусских) и русских политических интересов» [17]. На этой почве в Остзейских провинциях стали расти прогерманские настроения, а в российском обществе встал вопрос о государственной целостности России и национальных провинций. Складывалась противоречивая

ситуация: в составе Российского государства были земли, над которыми не действовали общие законы империи, и местные власти могли накладывать право вето на общегосударственные постановления. Остро встал и языковой вопрос: формально делопроизводство в Остзейском крае должно было дублироваться на русском языке, однако на практике это происходило далеко не всегда, что приводило к дискриминации русскоговорящего населения, состоявшего на государственной службе. На это однажды реагирует и Достоевский в статье «Гаваньские чиновники в домашнем быту» (1861), говоря об «Остзейских провинциях, где, как известно, живут немцы, печатающие по-русски» [5, т. 27, с. 147]. Писатель особо выделяет немцев, владеющих русским языком, тем самым косвенно свидетельствуя о том, что это не было чем-то само собой разумеющимся для социокультурной ситуации того времени.

Кроме того, напомним, что именно на начало 1860-х гг. приходятся события Освободительного восстания в Царстве Польском и что в основе польского конфликта лежали проблемы, во многом сходные с остзейскими. Таким образом, в России 1860-х гг. сложился своеобразный польско-балтийский узел напряжения. Достоевский, как известно, остро реагировал на польские события [12]. Обратимся к описанию и анализу того, как писатель видел и оценивал ситуацию в Остзейских провинциях.

Начиная с первого романа «Бедные люди», в творчестве Достоевского присутствует повторяющийся сюжет, в основе которого лежат взаимоотношения героев двух типов. Состоятельный мужчина средних лет намеревается сделать предложение или же является женихом юной бедной девушки, которая находится в затруднительном, а зачастую и вовсе в безвыходном материальном положении. При этом движим герой вовсе не благими побуждениями. Он понимает зависимое положение своей потенциальной невесты и планирует обернуть его в свою пользу: подчинить ее своей воле, самоутвердиться за ее счет, проверить на практике свои теоретические умозаключения и т.д. В романе «Бедные люди» этот сюжет реализован в истории Вареньки и Быкова, в дальнейшем он будет присутствовать и в «Записках из подполья» (история Лизы), «Преступлении и наказании» (Дуня и Лужин), «Кроткой» (Закладчик и кроткая) и т.д. В «Записках из Мертвого дома» также присутствует этот сюжет, причем впервые в творчестве писателя он обретает геополитическую окраску.

Один из каторжан, Баклушин, служил солдатом в городе Р. – Риге. Герой описывает крупнейший город Прибалтики как «хороший, большой, только немцев много» [5, т. 4, с. 100]. У героя «Записок...» был реальный прототип: арестант Омского острога Степан Арефьев, с которым был знаком ссыльный Достоевский. Арефьев действительно служил в Рижском внутреннем гарнизонном батальоне и был осужден за дезертирство, грабеж и убийство.

Баклушин влюблен в «немочку-прачку» Луизу, но, несмотря на взаимное чувство молодых людей, тетка хочет выдать девушку замуж за «богатого и уж пожилого» немца Шульца – это первый образ остзейского немца в творчестве Достоевского. Сначала Баклушин решает, что не вправе «счастья лишать» свою возлюбленную, но как только узнает, что немец «и тетку, и Луизу, покуда еще в черном теле держит» [Там же, с. 101], тотчас решает отправиться и защитить их. В рижском топосе константный для творчества Достоевского сюжет разворачивается но-новому. Бахрушин, направляя пистолет на остзейского немца, говорит:

- Да ты что ж так грубить начал, немец? Ты со мною подружись. Я по дружбе к тебе пришел.
- Я не могу быть ваш друг, говорит: ви простой солдат [Там же, с. 102].

Обратим внимание: русский предлагает общаться на общечеловеческих началах, а герой-немец переводит ситуацию в социальную плоскость, подчеркивая при этом свое превосходство над солдатом. Бахрушин так описал свое состояние:

Ну, тут я и взбесился.

- Ах ты чучела, говорю, колбасник! Да знаешь ли ты, что от сей минуты я все, что хочу, с тобой могу сделать? Вот хочешь, из пистолета тебя застрелю?
- Я вас не боюсь, говорит, и прошу вас, как благородный человек, вашу шутку сейчас оставить, а я вас совсем не боюсь. <...> ...вам строго запрещено и вас строго наказать за это будут [Там же, с. 102-103].

Затем Баклушин убивает немца и за это попадает на каторгу.

Подчеркнем особо, что в процитированном эпизоде герой-остзеец, осознавая себя «благородным человеком», апеллирует к официальной правовой системе, к своему особому положению в социуме по отношению в том числе и к русскому герою. В высказывании немца ключевым является представление о собственном благородстве. Важно, что остзеец имеет в виду не только свое социальное положение, но и гражданское: в отличие от русского солдата ему не грозят строгие запреты и не менее суровые наказания.

Понять объем понятия «благородства» применительно к остзейским немцам помогает ещё одно произведение, созданное вскоре после «Записок из Мертвого дома», – «Униженные и оскорбленные». Эпизодический герой романа – рижский немец, причем с такой же фамилией, как и в «Записках», – Адам Иванович Шульц. Автор его характеризует следующим образом: «Адам Иваныч был человек очень обидчивый и щекотливый, как и вообще все “благородные” немцы» [Там же, т. 3, с. 173] – обратим внимание на очевидные переключки с рассмотренным нами выше эпизодом. Герой-немец посчитал, что старик Смит, сидевший неподалеку со своей собакой Азоркой в кондитерской Миллера, не должным образом на него «взирайт», и «почел своею обязанностью защитить свое благородство и не уронить перед благородной публикой прекрасный город Ригу» [Там же]. Далее и сам Шульц, и Миллер несколько раз апеллируют к тому, что он «известен ко двору», то есть опять-таки подчеркивают своё особое положение, свою едва ли не прямую связь с императором. «Благородный» немец отличается и уровнем своих претензий, и такими качествами, как повышенная щепетильность и обидчивость. В контексте реальной правовой ситуации с существованием особого законодательства для Остзейских провинций этот эпизод приобретает остросоциальное звучание.

Укажем и на занятную деталь: когда посетителям кондитерской становится понятно, что собака Смита умерла, немцы настойчиво предлагают сделать из неё чучело, Шульц же и вовсе настаивает на том, чтобы «заплатит за то, что ви сделает шушель!» [Там же, с. 175] – чучело. Вспомним, как в «Записках из Мертвого дома» чучело упоминал и Баклушин, пусть и в качестве ругательства. Представляется, что это не случайное совпадение, а связанный мотив, однако определить его семантическую нагрузку пока не удалось.

Итак, в рассмотренном выше эпизоде из «Записок из Мертвого дома» можно увидеть не просто константный для творчества Достоевского сюжет о неравном браке, а проекцию реального этнического конфликта между немецким, латышским и русским населением.

Любопытно, как сюжет с «униженной и оскорбленной» девушкой из Риги преломляется в романе «Преступление и наказание», где в роли «благодетельного немца» по отношению к бедной девушке неожиданным образом выступает русский. Вспомним, как Раскольников рассуждает о своей сестре Дуне и её возможном замужестве с Лужиным: «...но всё-таки я знаю, что сестра моя скорее в негры пойдет к плантатору или в латыши к остзейскому немцу, чем оподлит дух свой и нравственное чувство свое связью с человеком, которого не уважает и с которым ей нечего делать...» [Там же, т. 6, с. 37]. Дуня сравнивается с латышской девушкой, которая попадает в услужение к остзейскому немцу. Напомним, что латышки обладали ещё большим бесправием по сравнению, например, со служанками-немками, какой была Луиза из «Записок...», – этим сравнением Достоевский сильнее подчеркивает зависимое положение Дуни [15, с. 100]. Параллельно в образе Лужина автор выделяет характеристики, которые в его творческой системе являются ключевыми для образа немца: от «благодетельности» героя до укладки волос, которая «придает лицу неизбежное сходство с немцем, идущим под венец» [5, т. 6, с. 114]. Поведение Лужина подобно типичному поведению рациональных, «благородных», «цивилизованных» и «европейских» немцев, следующих «рациональным» идеям – вспомним о семантике европейского рационализма в контексте творчества Достоевского 1860-х гг. Однако «просвещенность» героя никоим образом не мешает ему выстраивать отношения, основанные на подчинении себе более слабого человека. Таким образом, Достоевский в пределах небольшой реплики Раскольникова встраивает сюжет о неравном браке в геополитическую проблематику, связанную с Остзейскими провинциями, и освещает новый её аспект – угнетенное положение местного населения.

Коренное население Прибалтики не обладало практически никакими гражданскими правами и свободами до того, как с 1870-х гг. Российская империя не начала проводить сознательную политику поддержки местных народов в противовес усилению ориентации местного немецкого бюргерства в сторону Пруссии и Германии. Безусловно, положение этнических русских на территории Остзейских провинций было лучшим, но посмотрим на то, как с точки зрения национального вопроса преломляется история другой обиженной девушки из Риги, Лизы – героини «Записок из подполья». Обратимся к сцене её разговора с героем-парадоксалистом:

- Откуда?
- Из Риги, – проговорила она нехотя.
- Немка?
- Русская.
- <...>
- Отец и мать есть?
- Да... нет... есть.
- Где они?
- Там... в Риге.
- Кто они?
- Так...
- Как так? Кто, какого звания?
- Мещане.
- Ты все с ними жила?
- Да.
- <...>
- Зачем же ты от них ушла?
- Так.

Это так означало: отвяжись, тошно [Там же, т. 5, с. 152].

Сходство имен «Лиза» и «Луиза» (возлюбленная Баклушина), общность рижского топоса дают основание предположить, что Достоевский в «Записках из подполья» не просто развивает одну из возможных вариаций константного сюжета, основанного на неравном социальном положении героя и героини. Автор словно предлагает представить, каким образом могла сложиться судьба героини «Записок из Мертвого дома», если бы она была не немкой, а русской. Череда ее невзгод могла бы закончиться переездом в Петербург и жизнью «по желтому билету», как это случилось в итоге с Лизой: в Остзейском крае заступиться за нее было бы некому.

Таким образом, в контексте творчества Достоевского можно провести своеобразную линию усиления угнетенности героинь, попавших в зависимость от богатого (или не такого уж и богатого) мужчины: немка-прачка Луиза, русская проститутка Лиза и Дуня, сравниваемая с латышкой. Несмотря на то, что проблематика каждого из эпизодов сосредоточена вовсе не на геополитической рефлексии, подобная линия показывает: в системе представлений Достоевского имплицитно существовал вопрос о положении немецкого, латышского и русского населения в Остзейских провинциях, как и проблема привилегированного положения немцев в середине XIX в. и их особых юридических прав.

Впоследствии к этой проблеме Достоевский обращается в публицистике. Пик обсуждения в прессе пришелся на конец 1860-х гг. Как пишут современные исследователи А. А. Ширинянец и Е. Б. Фурсова, в «легальной печати обозначились три подхода в освещении прибалтийского вопроса: социологический, политико-философский и исторический, которые олицетворяли, соответственно, Самарин, Катков и Аксаков, Погодин» [17]. С 1867 г. по 1871 г. Достоевский, как известно, жил за границей, но, несмотря на это, живо интересовался сложившейся ситуацией. В частности, он несколько раз просил прислать книгу публициста-славянофила Ю. Ф. Самарина «Окраины России» [13]. В письме от 6 (18) апреля 1869 г. к Н. Н. Страхову Достоевский писал: «Я бы желал иметь несколько книг, которых я до сих пор еще не читал, а именно: “Окраины России” Самарина и всю “Войну и мир” Толстого» [5, т. 29, кн. 1, с. 35]. В ответном письме Страхов объяснял, что из-за цензурных соображений (книга Самарина была напечатана в Берлине) Достоевскому будет проще найти её непосредственно в Европе, нежели получить из России.

«Окраины России» современники как либерального, так и консервативного лагеря называли «опасной книгой» из-за пристального внимания именно к остзейскому вопросу. В 1840-х гг. Самарин по долгу службы несколько лет провел в Прибалтике и в 1849 г. опубликовал «Письма из Риги», где описывал агрессивность остзейских немцев, которые «взывали к общественному мнению Пруссии в надежде на ее поддержку землякам против русского “нажима”» [11, с. 137], а также держали русских купцов и мещан «в черном теле» и притесняли русское население. Самарин предостерегал: Рижские земли могут стать «второй Польшей». Более того, он подчеркивал, что враг России притаился не только на юге. Публицист ощущал неизбежность грядущей войны с Турцией, остро реагировал на то, как мусульмане-османы ущемляют балканские славянские народы. Но наряду с этим и на западе, в Остзейских провинциях, как отмечал Самарин, присутствует зона не менее высокого межконфессионального напряжения: под гнетом немцев-протестантов оказываются и местные народы, и русские. Достоевский внимательно отнесся к книге Самарина, а в 1876 г. написал проникновенный некролог по скоропостижно скончавшемуся публицисту. Взгляды Самарина на положение окраин в составе Российской империи, как представляется, повлияли на геополитические представления писателя.

В журналистской практике Достоевского присутствовали два эпизода, связанные с публикациями материалов по остзейскому вопросу. В 1862 г. цензурой была запрещена публикация статьи П. П. Сокальского в журнале «Время», посвященная положению свободных ещё со времен Александра Первого остзейских крестьян, быт которых тем не менее был «невыносимее положения наших крепостных». Спустя 12 лет, 11 марта 1874 г., в журнале «Гражданин», редактором которого в то время был Достоевский, за подписью «Друг многих русских немцев» была напечатана статья кн. В. П. Мещерского «Два слова по поводу мнения кн. Бисмарка о русских немцах», направленная против привилегий остзейских немцев. В статье цитировалось высказывание Бисмарка об «обрусевшем немце, который никуда не годен, лишаясь добродетелей немца и заражаясь всеми пороками русских» [10]. Публикация вызвала репрессии против «Гражданина»: одновременно затрагивались национальные интересы и русских, и немцев, и русских немцев, причем в конечном счете в невыгодном свете выставлялись все эти народы. По мнению Н. Н. Страхова, именно этот эпизод способствовал тому, что Достоевский принял окончательное решение уйти из журнала.

Вопрос о положении остзейских крестьян привлекал несколько раз внимание Достоевского. Любопытно рассуждение Шатова в черновиках к роману «Бесы». Герой, воспроизводя мнение князя-западника, говорит о реформах Петра Первого: «Народ избавили от немецкой реформы и махнули на него рукой. Ему даже бороду позволили тотчас опять носить. Народ не сочли тогда чем-нибудь важным и стали смотреть на него как на материал и плательщиков подушной. Народ непосредственно избавили с самого начала от реформы и предпочли смотреть на него как на материал. Опекали его сильно, это правда, но внутреннюю, собственную жизнь его ему оставили целиком, и хоть много он пострадал, но кончил тем, что страдание свое возлюбил. Но весь верхний слой России кончили тем, что переродились в немцев, и оторвавшиеся кончили любовью к немцам и презрением и ненавистью к своим» [5, т. 11, с. 111]. Достоевский словами героя выстраивает мысль о двукультурии России, причем столь же сильным, как и в Остзейском крае. Ситуация с крестьянами в Прибалтике, согласно Достоевскому, – это потенциальное будущее России, в случае если она окончательно утвердится на западном пути развития и откажется от своих народных начал. Это приведет к уподоблению привилегированного дворянского сословия остзейским немцам, а народа – бесправным латышам.

В статье «Благотетельный швейцар, освобождающий русского мужика», опубликованной в «Дневнике писателя» за апрель 1876 г., Достоевский рассуждает о двух путях освобождения крестьян: европейском и русском. Европейский путь, по мысли писателя, – это освобождение «не от владетелей, не от баронов, не от помещиков, а восстанием и бунтом, огнем и мечом и реками крови» [Там же, т. 22, с. 118]. В Европе признание «мужика» не за «собаку и каналью» произошло якобы «на культурных основаниях, то есть на пролетарских началах» [Там же]. Но Достоевский-публицист недоумевает: внешне провозглашенное уважение и признание свободы крестьян вовсе не отменяет их рабского положения: «Ступай, дескать, милый брат наш, на свободу, в чем мать родила, да еще за честь почитай». И далее подчеркивает: «Вот в Остзейском крае точь-в-точь ведь так освобожден был народ, а почему? А потому, что остзейцы – европейцы, а мы всего только русские» [Там же]. Согласно мысли Достоевского, в этом отношении русские – действительно не «культурные европейцы». В России «освободили мы народ с землей не потому, что стали культурными европейцами, а потому, что сознали в себе русских людей с царем во главе, точь-в-точь как мечтал сорок лет тому помещик Пушкин, проклявший в ту именно эпоху свое европейское воспитание и обратившийся к народным началам». Достоевский видит в том, как был освобожден народ в России, свидетельство глубинных

духовных сил русского народа, народной правды, а вовсе не следствие распространения европейских либеральных идей: «Во имя этих-то народных начал и освобожден был русский народ с землею, а не потому, что так научила Европа; напротив, именно потому, что все мы вдруг, в первый раз, решились преклониться перед народной правдой» [Там же].

В статье «В продолжение предыдущего», опубликованной в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 г., Достоевский обращается ещё к одному аспекту остзейского вопроса, связанного с «местно-патриотическими чувствами» и религией. Он опровергает якобы опубликованные в немецких газетах заявления о том, что в России «мы терзаем и преследуем наших остзейских немцев – за их веру и чувства!..» [Там же, т. 23, с. 129]. В связи с вопросом свободы совести и вероисповедания Достоевский опять-таки противопоставляет Россию и Европу. Он говорит о том, что в государствах Европы, которые принято считать «просвещеннейшими», фактов преследования иноверцев гораздо больше по сравнению с Россией. Как пишет Достоевский, вопрос единоверия действительно обострился во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в связи с поддержкой Россией православных братьев-славян, однако это вовсе не означает притеснения иных конфессий.

Достоевский высказывал подобную мысль и ранее в статье «Смятенный вид» в «Дневнике писателя» от 1873 г. В ней писатель не только размышляет о свободе вероисповедания в России, но и подчеркивает особое, привилегированное положение остзейских пасторов. Писатель осмысляет историю, произошедшую с одним из деревенских священников Орловской губернии, которому некие чиновники-посредники отказали в возможности учить прихожан грамоте. Причиной было указано следующее: «Правительство вообще не расположено к тому, чтобы народное образование было в руках духовенства», потому что «духовенство проводит суеверие» [Там же, т. 21, с. 57]. Достоевский предполагает: «Ну, осмелился бы это сказать не то что какой-то посредник, а в десять раз высшее его по власти лицо какому-нибудь хоть, например, остзейскому пастору? Господи, какой бы этот пастор затеял крик и какой бы в самом деле поднялся крик!» [Там же]. Получается, что условный пастор находится в более привилегированном положении и по своему внутреннему самоощущению («сам затеял крик»), и с точки зрения общества («какой бы в самом деле поднялся крик»).

Выводы. Привлеченный материал позволяет сделать вывод о геополитических представлениях Достоевского об Остзейских землях. Проблемным для писателя оказывается вопрос об особом, привилегированном положении «благородных» остзейских немцев как в самой Риге, так и за её пределами. Значимо, что Достоевский ни разу не называет остзейцев «нашими», не признает их в качестве «своего иного», как это происходит, например, с кавказцами, поляками, жителями киргизских степей. Для Достоевского Остзейские земли – это возможность создания своеобразной проекции того, каким могло бы быть русское общество, пойдя оно исключительно по пути приобщения к европейским ценностям, откажись от народной идеи. В связи с этим Достоевский остро реагирует на положение крестьян-латышей, которое для него становится антипримером того, как могут строиться отношения между просвещенной аристократией и народом.

Рассмотрение взглядов Достоевского на остзейский вопрос является одним из способов постижения специфики его геополитических представлений о периферии, «окраинах» Российской империи, а также точкой преломления его историофилософских взглядов на взаимоотношения России и Европы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020/19.

Список источников

1. **Абашев В. В.** Литература и география: Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. 2012. № 2 (12). С. 143-151.
2. **Александрова-Осокина О. Н.** Вопросы геопозитики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216-241.
3. **Гаджиев К. С.** Геополитика. М.: Международные отношения, 1997. 383 с.
4. **Градовский А. Д.** Начала русского государственного права. Т. 1-3 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/3988988/> (дата обращения: 25.08.2020).
5. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972. Т. 3. 543 с.; 1972. Т. 4. 326 с.; 1973. Т. 5. 407 с.; 1973. Т. 6. 423 с.; 1974. Т. 11. 415 с.; 1980. Т. 21. 551 с.; 1981. Т. 22. 407 с.; 1981. Т. 23. 423 с.; 1984. Т. 27. 463 с.; 1986. Т. 29. Кн. 1. 463 с.
6. **Елацков А. Б.** Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: Инфра-М, 2017. 251 с.
7. **Иванова И. Н.** Геопозитика новейшей отечественной литературы: опыт художественного освоения городского пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 2. С. 80-85.
8. **Каменецкий Т. А.** Краткое всеобщее землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на статского советника и кавалера И. А. Гейма, в пользу детей, начинающих учиться географии. М., 1828. 382 с.
9. **Лебедева Г. Н.** Остзейский вопрос в публицистике М. Н. Каткова // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 274-286.
10. **Мещерский В. П.** Два слова по поводу мнения князя Бисмарка о русских немцах // Гражданин. 1874. № 10. 11 марта.
11. **Пирожкова Т. Ф.** «Страшная книга» Ю. Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 3. С. 130-148.
12. **Подрезов М. В.** Идейные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170-177.
13. **Самарин Ю. Ф.** Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморье (как введение в первую серию). Берлин, 1869. 187 с.

14. Сид И. История понятия «геопоэтика» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 11 (722). С. 153-170.
15. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
16. Цымбурский В. М. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII-XX вв. М.: Книжный мир, 2016. 496 с.
17. Ширинянц А. А., Фурсова Е. Б. Прибалтийский вопрос в политической публицистике И. С. Аксакова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/35446.php> (дата обращения: 03.08.2020).
18. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292-302.
19. Flint C. Introduction to geopolitics. L.: Routledge, 2012. 296 p.

F. M. Dostoevsky's Views on the Baltic German Problem

Mikhnovets Mariia Vladimirovna
Dostoevsky Museum (St. Petersburg)
mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

The research objective includes identifying specificity of F. M. Dostoevsky's understanding of the Baltic German problem in the 1860-1870s. The paper shows how the Baltic German problematics is represented in female personages' images, analyses Dostoevsky's social-political views on the issue of the Baltic Germans' religious freedom. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time reveals Dostoevsky's views on the controversial issue of the social and legal status of the Baltic ethnic groups (the Germans, the Latvians, the Russians). The following conclusions are justified: firstly, Dostoevsky's views on the Baltic German problem were in tune with his previous conceptions of Russia's remote areas status, and, secondly, these views developed within the framework of his historical and philosophical conception of Russia – Europe relations.

Key words and phrases: F. M. Dostoevsky; Baltic German problematics; geopolitics; worldview; remote areas status.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.7>

Дата поступления рукописи: 18.09.2020

Статья посвящена комплексному исследованию литературной критики и публицистики восточной ветви русской эмиграции первой волны о личности и творчестве М. Ю. Лермонтова. Цель исследования состоит в выявлении характерных черт публикаций о Лермонтове в периодике русского Китая. Научная новизна работы заключается в описании вклада восточной ветви русской эмиграции в осмысление особенностей личности, судьбы и творчества Лермонтова. В результате исследования установлено, что в критических статьях дальневосточных эмигрантов выражены представления о Лермонтове, отражающие создание идеологизированного мифа о нем путем выделения черт личности и проблематики творчества, соответствующих чаяниям русской эмиграции. В качестве характерных черт восприятия Лермонтова выделены: определение его места в русской культуре путем сопоставления с Пушкиным; реконструкция духовной жизни Лермонтова с опорой на его поэтические произведения; утверждение Лермонтова в статусе национального поэта на основе близости русской душе, религиозности и патриотизма его художественных творений.

Ключевые слова и фразы: литературная критика русского зарубежья; рецепция творчества Лермонтова; русский Китай; восточная ветвь русского зарубежья.

Пасевич Заряна Васильевна, к. филол. н.
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
pasevichzara@mail.ru

М. Ю. Лермонтов в критике и публицистике русской эмиграции Китая

В русском зарубежье особое значение обрела русская классическая литература. Она выступала духовной опорой и основой сохранения русскости для эмигрантов на чужбине: «...русская литература для нас, потерявших родину, – родина последняя, все, чем Россия была и чем она будет» [33], – писал Д. С. Мережковский. Известно, что идейным знаменем русского зарубежья, воплощением русской национальной идеи стал А. С. Пушкин [43]. Соперником Пушкина в сознании эмигрантов выступал только М. Ю. Лермонтов. Дальневосточный поэт-эмигрант Н. Щеголев объяснял это так: «...мы хотим излечиться от нашего тайного пристрастия к Лермонтову, ставим памятник ежегодно Пушкину, хотя, в сущности, лишь Лермонтов – властитель наших дум» [55, с. 5]. Нельзя сказать, что проблема рецепции личности и творчества Лермонтова в литературной критике русского зарубежья совсем не изучена. Она достаточно давно находится в сфере внимания исследователей. В научных работах представлен обзор эмигрантских публикаций о Лермонтове [14; 41], рассматриваются особенности восприятия личности и творчества Лермонтова в критике западных эмигрантов [10; 25; 40]. Предметом исследования становятся авторские концепции рецепции личности и творчества